

ВЯЧЕСЛАВ КЕЛЬВИН

ШТОРМ

НЕТ ПУТИ НАЗАД

Вячеслав Кельвин

Шторм. Нет пути назад

<https://litres.ru/74300879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герои вышли из своей норы. Не потому, что захотели, а потому что нора перестала быть безопасной. Потому что мир, который они считали погибшим, оказался живым. И голодным.

Снаружи — не мёртвый город. Снаружи — чужие правила. Чужие войны. Чужие боги. И те, кто строит новый порядок на костях старого. Те, кто потерял человеческое — но не потерял разум. Те, кто был человеком — и стал чем-то большим. Или меньшим. Никто не знает.

В новом мире нет добра и зла. Есть только ты, твоя семья — и мир, которому на тебя наплевать. Но иногда мир смотрит на тебя синими глазами, в которых отражается вся твоя жизнь. И то, что за ней.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вячеслав Кельвин

Шторм. Нет пути назад

Глава 1

Дверь в контейнер захлопнулась с шипением, отрезав последний лучик тусклого света. Матвей, Петрович и девушка оказались в тесном металлическом отсеке, где они с трудом помещались. Откуда-то сверху лился тусклый красноватый свет.

— Стойте на решётке. Не двигайтесь и не снимайте шлем до сигнала, — раздался голос девушки по радиоканалу. — По окончании процесса дезактивации зажгётся зелёный свет. — Её голос звучал отстранённо, как инструкция бортового компьютера. — Приготовьтесь, сейчас начнётся обработка костюмов.

Петрович дёрнулся, инстинктивно подняв оружие, но Матвей перехватил его руку. Поздно. Они уже внутри. Теперь только слушать и ждать. Старик хотел ему что-то сказать, но только сопел носом. Потом опустил обрез дулом вниз.

В тамбуре что-то загудело. Воздух стал плотнее, будто невидимый насос нагнетал давление. Матвей чувствовал, как сквозь многослойную ткань костюма проникает вибра-

ция — пол под ногами дрожал мелко, едва заметно.

— Внимание! — новый голос, на этот раз явно синтезированный, механический, без намёка на живые интонации, заполнил пространство. — Сейчас начнётся дезактивация! Не снимайте шлем и костюм! Стойте на одном месте!

Короткая пауза.

— Три... два... один...

Прежде чем они успели что-то сказать или хотя бы переглянуться, снизу, из-под решётчатого пола, с шипением ударили клубы густого белого пара. Он был горячим и едким. Матвей вздрогнул, инстинктивно отпрянув к стене, но пар был повсюду. Он заволок стёкла шлемов мгновенной, непроницаемой пеленой. В ушах зашипело — это через клапаны внутри под давлением подавался какой-то газ с химическим запахом, вытесняя уличный воздух.

— Чёрт! — вырвалось у Петровича, и его голос в радиоканале захлебнулся на полуслове, сменившись сиплым, звериным рыком. — Ты... что ты делаешь?! — Он инстинктивно махнул рукой перед лицом, отмахиваясь то ли от пара, то ли от ощущения ловушки.

Сверху, с потолка, тонкими струями распылилась жидкость. Она с шипением гасила горячий пар на их костюмах, стекая в дренаж под ногами мутными, грязными потоками. Одновременно по бокам камеры с гудением включились мощные вентиляторы, вытягивая эту взвесь из воды, пара и химикатов. Воздух завихрился, завывая в тесном про-

странстве.

Потоки воздуха били с такой силой, что Матвея буквально покачивало. Он ухватился за рифлёную стену контейнера, вцепился в холодный металл, чтобы не потерять равновесие. Мир сузился до трёх вещей: оглушительного рёва в ушах, влажной, непроглядной темноты за залитым стеклом шлема и давящего, липкого чувства ловушки, из которой нет выхода. Краем глаза он заметил на потолке тонкий ствол — автоматическая турель медленно поворачивалась, следя за каждым их движением.

Мысли заметались, как крысы в углу.

«Если она захочет, — пронеслось в голове, — она может просто не открыть внутреннюю дверь. И мы задохнёмся здесь. Как крысы в душегубке».

Сердце заколотилось чаще, дыхание сбилось.

Матвей зажмурился, и в этой краткой темноте, заглушившей рёв вентиляторов, раздался знакомый хриплый голос, такой родной, такой невозможный:

«Не ссы, малой. Судя по всему, вы нужны ей живыми».

Матвей замер. Жора. Опять.

«Закрой глаза, — продолжал голос, и в нём не было привычной насмешки — только спокойная, уверенная забота. — И сделай глубокий вдох».

Матвей послушался. Зажмурился, втянул воздух сквозь фильтр, насколько позволял баллон. Выдохнул. Ещё раз.

Сердце отпустило. Дрожь в руках унялась.

Когда он открыл глаза, рёв продолжался. Потоки воздуха били не ослабевая.

Но стало легче. Совсем чуть-чуть. Но легче.

Процедура длилась не больше минуты, но каждая секунда тянулась мучительно долго. Вентиляторы по бокам затихли. Работала только вытяжка в полу. Пар рассеялся, открыв стены, стекающие конденсатом.

Девушка стояла у противоположной стены, прислонившись спиной к холодному металлу, и спокойно наблюдала за ними сквозь зеркальное стекло шлема.

Струи стихли, и в тот же миг их обдало тёплым воздухом — густым, плотным, он окутывал со всех сторон, вытесняя остатки влаги. Боковые вентиляторы взвыли с новой силой, и через несколько секунд в помещении стало сухо. Костюмы больше не блестели, с них перестало капать.

Вентиляторы смолкли. Освещение в камере переключилось — красный сменился мягким, почти уютным жёлтым.

— Внимание! — раздался механический голос из динамиков, вмонтированных в стены. — На счёт три начнётся световая обработка. Пожалуйста, для вашей безопасности включите поляризованный фильтр на ваших шлемах.

Пауза.

— Световая обработка начнётся через двадцать секунд. Внимание! На счёт три начнётся...

Сообщение пошло на повтор, заиклилось, как испорченная пластинка.

— Стой! — голос Петровича в эфире прозвучал так, что у Матвея заложило уши. — Нет у нас таких фильтров в шлемах! Остановись, железяка!

Старик резко обернулся к девушке. Та уже активировала зеркальный режим на своём шлеме — стекло стало непроницаемым, холодным, чужим.

— Выключи эту хрень! — Петрович сдерживался из последних сил, готовый шагнуть к ней, но странная трубка под потолком, похожая на ствол пулемёта, синхронно двигалась за ним, не давая сделать лишнего движения. — Нет у нас таких фильтров! Все глаза нам повыжигает!

Девушка подняла руку, останавливая автоматику.

— Отмена ультрафиолетовой обработки, — произнесла она громко, чётко, будто отдавала команду системе.

Освещение в камере тут же сменилось — жёлтый погас, зажёгся обычный, белый свет. Ровный, спокойный, без намёка на смертоносное излучение.

Матвей выдохнул.

Петрович стоял, тяжело дыша, и сверлил взглядом девушку. Та, не обращая на него внимания, подошёл к панели на стене и нажала несколько кнопок.

— Дезинфекция завершена, — тут же объявил механический голос. — Пройдите в следующий отсек, закройте дверь за собой. Откройте и снимите внешнюю экипировку. Положите её в ниши слева. На вас останется базовый слой. Если желаете, можете надеть унифицированные комбинезоны.

Пожалуйста, соблюдайте очерёдность.

В стене с лёгким щелчком открылась внутренняя дверь, отъехав в сторону. Над ней загорелся зелёный свет. За проёмом виднелось освещённое пространство, резко контрастирующее с мрачным подъездом и тусклой крышей, оставшейся где-то в другой жизни.

Девушка направилась к открытому шлюзу.

— Сначала внутрь пройду я. Как только переоденусь, загорится зелёный сигнал, эта дверь автоматически откроется, и может войти следующий.

Она вошла первой и скрылась за дверью.

Матвей и Петрович несколько секунд просто стояли, пытаясь отдышаться. Сквозь очистившееся стекло шлема Матвей видел, как Петрович медленно, с видимым усилием воли, разжимает кулаки. Пальцы, только что готовые рвать и крушить, обмякли, повисли вдоль тела.

Они обменялись долгим взглядом.

Здесь, в этой стерильной камере, они были абсолютно беззащитны. Все их «костюмы», всё самодельное бронирование, все хитрости, наработанные годами выживания, оказались бесполезны против систем этого места. Осталось только одно — пройти дальше.

— Чувствую себя как муха, над которой занесена сложенная в трубочку газета, — прервал тишину Петрович. Голос его звучал глухо, но с той особенной, горькой иронией, которая у него одного заменяла и страх, и злость. — Вижу её,

понимаю, что она несётся на меня, чтобы прихлопнуть, и... стою на месте, пытаюсь прочесть, что там написано. Надо улетать, а я читаю...

Над дверью зажёгся зелёный свет. Створка бесшумно открылась.

Петрович легонько подтолкнул Матвея в плечо.

— Ты этого хотел. Давай первый. Прикрою сзади.

Матвей шагнул в проём.

Помещение за дверью оказалось просторнее, чем можно было ожидать. Ровный, мягкий свет лился с потолочных плафонов — не тусклый, не жёлтый, а чистый, белый, без привычного для них мерцания. Стены были обшиты светлыми композитными панелями, пол — технический, рифлёный, но без единой соринки, без намёка на пыль или грязь.

Вдоль одной стены выстроились аккуратные ряды металлических шкафчиков — штук восемь, с номерами на дверцах. Рядом с ними — пара откидных сидений, прикрученных к стене, из того же светлого металла. Всё здесь было функциональным, продуманным, безжалостно технологичным.

Девушка стояла у противоположной стены. Без защитного костюма. Без шлема.

На ней был лёгкий комбинезон — тёмно-синий, с множеством карманов и нашивок, значения которых Матвей не понимал. Короткие тёмные волосы, бледное лицо, глубокие тени под глазами — следы недосыпа или хронической усталости.

Её взгляд скользнул по его самодельному костюму, задержался на сварочных швах, на грубо приклёпанных свинцовых пластинах. В нём не было ни насмешки, ни презрения. Была... профессиональная оценка. Так инженер смотрит на кустарную, но функциональную конструкцию — изучает, прикидывает, как это сделано и зачем.

— Пожалуйста, снимите костюм и сложите его в шкаф номер три, — раздалось из динамиков, но девушка при этом не открывала рта. Просто ждала, чуть склонив голову, а потом плавным жестом указала на шкафчик с цифрой «3» на дверце.

Матвей обернулся, окинул взглядом это чистое, чужое пространство. Ряды шкафчиков, откидные сидушки, панели с индикаторами на стенах. Ни пыли, ни грязи, ни следов разрушения. Мир, где всё работает. Где есть электричество, чистота, порядок.

Мир, в котором они были чужими.

Матвей подошёл к указанному шкафчику. Из приоткрытой дверцы пахло... чистотой. Не той, к которой они привыкли в подвале, где чистота была понятием относительным и пахла хлоркой и мыльным раствором. Здесь пахло стерильностью. Больничной, лабораторной, забытой.

На крючке висел запакованный тканевый комбинезон. Такой же, как у неё. Новый. Идеально чистый. На нижней полке стояла пара лёгкой обуви, запакованная в полиэтилен — ни разу не надетая.

Он начал откручивать болты с барашками на шлеме. Пальцы в толстых перчатках двигались неуклюже, но дело шло.

Тёплый воздух ударил в лицо, когда последний болт поддался. Матвей заставил себя не сорвать маску рывком, не разорвать её, не закричать. Инстинкт, въевшийся в подкорку за пять лет выживания, орал: «Ловушка! Отравление! Смерть!» Но логика — тупая, холодная, как лом в руке — шептала иное. Если бы незнакомка хотела его смерти, она бы уже действовала. Взлом связи, гильза у двери, переговоры, приглашение — всё это был слишком сложный путь для простой засады.

— Если опасаясь, можно снять только шлем, — голос девушки в динамиках оставался ровным, будничным. — Воздух здесь фильтруется. Фон в пределах зелёной зоны. Двенадцать микрорентген. Можешь проверить, если не доверяешь.

Он машинально поднял левую руку, глянул на запястье. Дозиметр успокоился в зелёном секторе.

Матвей перевёл взгляд на девушку. Медленно, не отводя от неё глаз, поднял руку к защёлке шлема. Пальцы в толстой перчатке не слушались, соскальзывали. Щелчок, когда замок наконец поддался, прозвучал оглушительно громко.

Он стянул маску.

Воздух ударил в лицо — не просто тёплый. Он был чистым. Абсолютно, невероятно чистым. Без привычного при-

вкуса пыли, без химической гари, без металла на языке. В нём пахло свежестью от работающих приборов, слабым запахом пластика и чем-то ещё... ванилью? Антисептиком?

Его лёгкие, привыкшие к тяжёлому, спёртому смраду подвала, к вечному привкусу фильтров и собственного страха, свело спазмом. Он закашлялся — натужно, надрывно, согнувшись пополам. Поднёс руку ко рту, отвернулся.

Кашель стих так же внезапно, как начался. Матвей вытер рот тыльной стороной перчатки, не выпуская лома из другой руки. Краем сознания отметил, как натёртое термобельё на локте больно впивается в кожу. Оно не просто заштопано — оно срослось с грязью в единый панцирь из пота, крови и страха. Его давно пора было бы постирать, если бы вода не была драгоценней крови, а новая одежда — недостижимой роскошью.

— Я сниму только шлем и перчатки, — он поднёс снятый шлем поближе к губам, чтобы микрофон уловил голос. — Полностью снимать наши костюмы — долгая история. С ними помощь нужна. Со стороны.

— Ага, поддержку молодого, — вклинился Петрович. Голос его звучал нарочито бодро, с той хамоватой бравадой, за которой временами пряталась неуверенность. — Мы-то не знали, что нас в высший свет пригласят. Носки не глажены, нижнее бельё последний раз стирали, когда ещё Шторм только начался. А уж про наш парфюм после нахождения в этих консервах я вообще молчу. Думаю, у дамочки там дат-

чики всякие — так вот пусть заранее к аммиачным парам готовится. Матвей, ты скоро там? Или будем тут, как дураки, извиняться за внешний вид? Долго нам тут торчать-то?

Матвей почувствовал, как от этой показной развязности у него внутри всё сжалось. Петрович боялся. И от этого становился ещё злее, ещё грубее. А томить его в западне дольше необходимого было смерти подобно.

— Мы шлемы и перчатки тут оставим, — сказал он, уже не спрашивая, а ставя перед фактом.

— Как хотите, — голос девушки остался всё таким же ровным. — А я хотела предложить вам фильтры поменять, но если вы так стесняетесь, дело ваше.

Матвей открыл дверь и вошёл в следующее помещение.

Первые секунды были слепыми. Не от яркости — свет здесь лился ровный, приглушённый, без острых углов и теней, — а от контраста. Только что его трясло и било струями в тесной железной коробке, где каждый звук усиливался многократно, где воздух был чужим и враждебным. Потом он шагнул в раздевалку — и там, глядя на себя в зеркало, вдруг остро, до боли осознал, во что превратилась его одежда под защитным костюмом, ввевшаяся в кожу, сросшаяся с грязью, пропахшая подвалом и страхом. Осознал, почему ему так стыдно снимать радиационный костюм при посто-ронней.

А теперь он стоял в тишине.

Она была плотной, как вата, — мягко облежала, приглу-

шала звуки, делала шаги неслышными. Воздух не давил, не жёг лёгкие химией, не оставлял на языке привычного металлического привкуса. Он был... пустым. Стерильным. Таким, каким воздух, наверное, и должен быть по замыслу того, кто всё это проектировал.

И это отсутствие привычных запахов — пыли, пота, гари, вечного фона выживания — дезориентировало сильнее любой темноты. Матвей чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Вроде дышать можно. Вроде даже легче. Но всё неправильно. Всё чужое.

Жилой отсек оказался капсулой из другого мира. Небольшой, как каюта на подводной лодке, но выверенный до миллиметра. Свет льётся мягко и равномерно, не оставляя теней. Две складные койки убраны в стену, оставляя место столу с фиксированными креслами.

Над каждой койкой находилась ещё складная койка. Все поверхности — матовый металл или белый пластик. Ни пылинок. В воздухе тот же чистый, чуть ванильный запах. Технологический аскетизм.

Девушка сидела за столиком. Перед ней стоял ноутбук. Теперь, когда она сняла скафандр, стало видно подробнее, во что она одета: просторный тёмно-синий комбинезон из плотной хлопковой ткани с антистатической пропиткой, надетый поверх тёмной футболки с молнией у горла. Одежда была чистой, почти стерильной, и новой. На ногах — лёгкие, но прочные ботинки на тонкой подошве, какие носят в ла-

бораториях или на хирургических операциях. Ничего лишнего. Функциональность, доведённая до минимализма. И в этом — главный контраст: пока Матвей стоял в своём пропостевшем, смердящем щелочью и страхом костюме поверх термобелья, она выглядела так, будто только что вышла из дезинфекционной камеры — не парадно, но с пугающей, недосягаемой для него чистотой.

Она подняла взгляд на Матвея и указала на небольшое кресло справа, обтянутое серым неопреном. Он подошёл, развернулся, попытался опуститься — и замер. Свинцовые пластины на бёдрах и спине упирались в подлокотники, не давая сесть. Он попытался втиснуться боком — безуспешно. В этом мире сиденья были спроектированы для других тел, одетых в другие одежды. Не для их самодельных защитных костюмов.

Заметив его беспомощные попытки, она чуть тронула уголком губ и кивнула на разложенную койку напротив.

— Здесь будет просторнее.

Матвей кивнул головой, тяжело опустился на край, стараясь занимать как можно меньше места. Даже после помывки костюм скрипел и пах оттаивающей грязью. Он молился, чтобы никакая частица пепла, никакая капля пота не осыпалась на этот ослепительный, немыслимо чистый пол.

В этот момент в помещение вошёл Петрович, захлопнул за собой дверь, обернулся — и застыл, будто наткнулся на невидимую стену. Его глаза, прищуренные от непривычно

яркого света, метались от белоснежных стен к ровным ряду приборов, к бесшумно работающему экрану, к самой девушке. На его лице, обычно собранном в маску усталой воли, читалось не просто удивление — шок, граничащий с непониманием.

Так мог бы выглядеть кроманьонец, внезапно перенесённый на капитанский мостик звездолёта. Его рука произвольно сжала приклад обреза, будто ища единственную твёрдую точку в этой пугающей правильности.

Матвей, видя его ступор, почувствовал жгучую неловкость за них обоих.

Он перевёл взгляд с остекленевшего лица Петровича на безупречные линии контейнера, на девушку, которая наблюдала за ними с непроницаемым спокойствием. И вдруг, с неожиданной ясностью, понял: они здесь чужие. Вся эта стерильная чистота, этот вылизанный до блеска технологичный мирок — он был им не нужен.

Пять лет Шторма выдули из них эту дрянь. Выжгли налёт цивилизации вместе с жиром и уютом. Оставили только голое, ободранное до костей человеческое нутро. Грязное, пропахшее гарью и страхом.

«Ничего, — раздался голос Жоры с тихой, почти суровой гордостью откуда-то, где он поселился в нём. — Зато мы всё ещё люди. Грязные, потные, полные дерьма. Но люди».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.